АВТОР «МАЛЬЧИКА В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ»

Джон Бойн

Мальчик на вершине горы

ОТ МАЛЬЧИКА В ПИЖАМЕ
К МАЛЬЧИКУ НА ГОРЕ

Джон Бойн

Мальчик на вершине горы

«Фантом Пресс»

2015

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Бойн Д.

Мальчик на вершине горы / Д. Бойн — «Фантом Пресс», 2015

ISBN 978-5-86471-716-5

Новый роман автора «Мальчика в полосатой пижаме». В Париже живет обычный мальчик Пьеро. Мама у него француженка, а папа – немец. Папа прошел Первую мировую и был навсегда травмирован душевно. И хотя дома у Пьеро не все ладно, он счастлив. Родители его обожают, у него есть лучший друг Аншель, с которым он общается на языке жестов. Но этот уютный мир вот-вот исчезнет. На дворе вторая половина 1930-х. И вскоре Пьеро окажется в Австрии, в чудесном доме на вершине горы. Пьеро теперь будет зваться Петер, и у него появится новый взрослый друг. У нового друга усы щеточкой, прекрасная дама по имени Ева и умнейшая немецкая овчарка Блонди. Он добрый, умный и очень энергичный. Только почему-то прислуга до смерти его боится, а гости, бывающие в доме, ведут разговоры о величии Германии и о том, что всей Европе пора узнать об этом.Пронзительный, тревожный и невероятно созвучный нашему времени роман, ставший, по сути, продолжением «Мальчика в полосатой пижаме», хотя герои совсем иные.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-86471-716-5

© Бойн Д., 2015
© Фантом Пресс, 2015

Содержание

Часть 1 6
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Джон Бойн
Мальчик на вершине горы

© Мария Спивак, перевод, 2015
© «Фантом Пресс», 2016

* * *

Моим племянникам Мартину и Кевину

Часть 1
1936

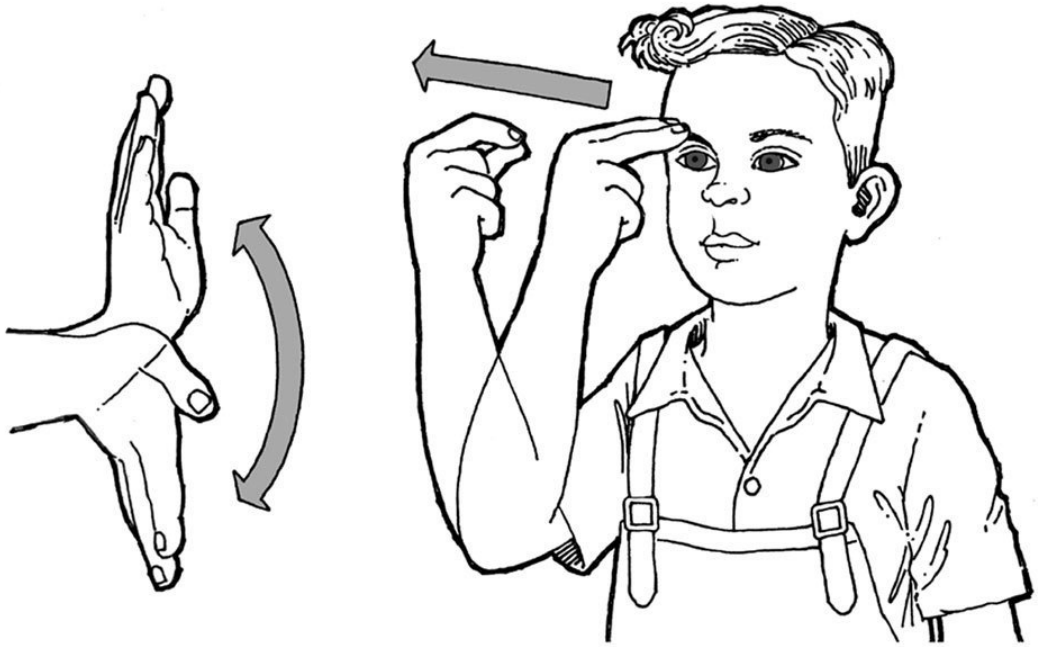
Глава 1
Три красных пятнышка на носовом платке

Хотя папа Пьеро Фишера погиб не на Великой войне, мама Эмили всегда утверждала, что именно война его и убила.

Пьеро был не единственный семилетний ребенок в Париже, у кого остался только один родитель. В школе перед ним сидел мальчик, который вот уже четыре года не видал матери, сбежавшей с продавцом энциклопедий, а главный драчун и задира класса, тот, что обзывал миниатюрного Пьеро Козявкой, вообще обретался у бабки с дедом в комнатке над их табачной лавкой на авеню де ла Мот-Пике и почти все свободное время торчал у окна, бомбардируя прохожих воздушными шариками с водой и наотрез отказываясь признаваться в содеянном.

А неподалеку, на авеню Шарль-Флоке, в одном доме с Пьеро, но на первом этаже, жил его лучший друг Аншель Бронштейн с мамой, мадам Бронштейн, – папа у них утонул два года назад при попытке переплыть Ла-Манш.

Пьеро и Аншель появились на свет с разницей в неделю и выросли практически как братья – если одной маме нужно было вздремнуть, другая присматривала за обоими. Но в отличие от большинства братьев мальчики не ссорились. Аншель родился глухим, и друзья с малых лет научились свободно общаться на языке жестов, взмахами ловких пальчиков заменяя слова. Они и вместо имен выбрали себе особые жесты. Аншель присвоил Пьеро знак собаки, поскольку считал его и добрым, и верным, а Пьеро Аншелю, самому, как все говорили, сообразительному в классе, – знак лисы. Когда они обращались друг к другу, их руки выглядели так:



Они почти всегда были вместе, гоняли футбольный мяч на Марсовом поле, вместе учились читать и писать. И до того крепка стала их дружба, что, когда мальчики немного подросли, одному лишь Пьеро Аншель разрешал взглянуть на рассказы, которые писал по ночам у себя в комнате. Даже мадам Бронштейн не знала, что ее сын хочет стать писателем.

Вот это хорошо, протягивая другу стопку бумаг, показывал Пьеро; его пальцы так и порхали в воздухе. *Мне понравилось про лошадь и про золото, которое нашлось в гробу. А вот это так себе*, продолжал он, отдавая вторую стопку. *Но только из-за твоего ужасного почерка, я не все сумел разобрать… А это*, заканчивал Пьеро, размахивая третьей стопкой, как флагом на параде, *это полная чушь. Это я бы на твоем месте выкинул в помойку.*

Я хотел попробовать что-то новое, показывал Аншель. Он ничего не имел против критики, но не понравившиеся рассказы защищал порою довольно яростно.

Нет, возражал Пьеро, мотая головой. *Это чушь. Никому не давай читать, не позорься. Подумают еще, что у тебя шарики за ролики заехали.*

Пьеро тоже привлекала идея стать писателем, но ему не хватало терпения сидеть часами, выводя букву за буквой. Он предпочитал устроиться на стуле перед Аншелем и, бурно жестикулируя, выдумывать что-нибудь на ходу или описывать свои школьные эскапады. Аншель внимательно смотрел, а после, у себя дома, перекладывал его рассказы на бумагу.

– Так это я написал? – спросил Пьеро, впервые получив и прочитав готовые страницы.

– Нет, написал я, – ответил Аншель. – Но это твой рассказ.

Эмили, мать Пьеро, уже редко упоминала в разговорах отца, хотя мальчик думал о нем постоянно. Еще три года назад Вильгельм Фишер жил с семьей, но в 1933-м, когда Пьеро было почти пять лет, уехал из Парижа. Пьеро помнил, что отец был высокий и носил его по улице на плечах, а еще умел ржать как лошадь и временами даже пускался в галоп, отчего Пьеро непременно заходился в восторженном визге. Отец учил мальчика немецкому языку, чтобы тот «не забывал свои корни», и всячески помогал осваивать пианино; правда, Пьеро хорошо понимал, что по части исполнительского мастерства и в подметки папе не годится. Тот своими народными мелодиями часто доводил гостей до слез, особенно если еще и подпевал негромким, но приятным голосом, в котором звучали печаль и тоска по прошлому. Пьеро нехватку музыкальных талантов компенсировал способностями к языкам: он без труда переключался с папиного немецкого на мамин французский.

А коронным его номером было исполнение «Марсельезы» по-немецки и тотчас – «Германия превыше всего» по-французски, правда, гостей это иногда огорчало.

– Больше, пожалуйста, так не делай, Пьеро, – попросила мама однажды вечером, когда его выступление привело к недоразумению с соседями. – Если хочешь быть артистом, научись чему-то другому. Жонглируй. Показывай фокусы. Стой на голове. Что угодно, только не пой по-немецки.

– А что плохого в немецком? – удивился Пьеро.

– Да, Эмили, – подхватил папа, который весь вечер просидел в кресле в углу, выпил слишком много вина и, как обычно, впал в хандру, вспомнив о всех тех ужасах, что вечно были при нем, не оставляли, преследовали. – Что плохого в немецком?

– Тебе не кажется, что уже хватит, Вильгельм? – Мама повернулась к нему, сердито подбоченясь.

– Хватит чего? Хватит твоим друзьям оскорблять мою страну?

– Никто ее не оскорблял, – отрезала мама. – Просто люди никак не могут забыть войну, вот и все. Особенно те, чьи любимые так и остались лежать на полях сражений.

– Но при этом они вполне могут приходить в мой дом, есть мою еду и пить мое вино?

Папа дождался, пока мама уйдет на кухню, подозвал Пьеро и обнял его, привлекая к себе.

– Настанет день, и мы вернем свое, – твердо сказал он, глядя мальчику прямо в глаза. – И тогда уже не забудь, на чьей ты стороне. Да, ты родился во Франции и живешь в Париже, но ты немец до мозга костей, как и я. Помни об этом, Пьеро.

Иногда папа просыпался среди ночи от собственного крика, его вопли эхом носились по пустым и темным коридорам квартиры. Песик Пьеро по кличке Д'Артаньян в ужасе выскакивал из своей корзинки, взлетал на кровать и, дрожа всем тельцем, ввинчивался к хозяину под одеяло. Тот натягивал одеяло до подбородка и сквозь тонкие стенки слушал, как мама успокаивает папу, шепчет: *все хорошо, ты дома, с семьей, это просто дурной сон*.

– Да, только это не сон, – ответил как-то отец дрожащим голосом, – а гораздо хуже. Воспоминания.

Бывало, что ночью Пьеро по пути в туалет видел из коридора: отец сидит на кухне, уронив голову на деревянный стол, и еле слышно что-то бормочет, а рядом валяется пустая бутылка. Тогда мальчик хватал бутылку и босиком несся вниз, во двор, и выбрасывал бутылку в мусорный бак, чтобы мама наутро ее не нашла. И обычно, когда он возвращался, папа каким-то образом уже оказывался в постели.

На следующий день ни отец, ни сын словно бы ничего не помнили.

Но однажды Пьеро, спеша во двор со своей ночной миссией, поскользнулся на мокрой лестнице и упал; не ушибся, но бутылка разбилась, и, вставая, он наступил левой ногой на острый осколок. Морщась от боли, Пьеро вытащил стекляшку, однако из пореза так и хлынула кровь; он допрыгал до квартиры, стал искать бинт, и тут проснулся папа и понял, чему стал виной. Продезинфицировав и тщательно забинтовав рану, он усадил сына перед собой и попросил прощения за то, что столько пьет. Затем, утирая слезы, сказал Пьеро, что очень его любит и подобных историй больше не допустит.

– Я тоже тебя люблю, папа, – ответил Пьеро. – Но я люблю, когда ты катаешь меня на плечах, как лошадка. И не люблю, когда ты сидишь на кухне и не хочешь разговаривать ни со мной, ни с мамой.

– Я тоже этого не люблю, – пробормотал папа. – Но иногда меня как будто бы накрывает черная туча, из которой мне никак не выбраться. Потому я и пью. Чтобы забыть.

– Что забыть?

– Войну. Что я там видел. – Он закрыл глаза и прошептал: – Что я там делал.

Пьеро сглотнул и спросил, хотя ему уже и не хотелось знать:

– А что ты там делал?

Папа печально улыбнулся.

– Неважно что, главное – на благо своей страны, – сказал он. – Ты ведь понимаешь, да?

– Да, папа. – На самом деле Пьеро не очень-то понимал, о чем речь, но папа должен знать, какой он отважный. – Я тоже стану солдатом, чтобы ты мной гордился.

Отец посмотрел на сына и положил руку ему на плечо.

– Главное – правильно выбрать сторону, – изрек он.

И почти на два месяца забыл о бутылке. А потом столь же стремительно, как и бросил, – вернулась черная туча – запил снова.

Папа работал официантом в местном ресторанчике, уходил по утрам около десяти, возвращался в три и снова уходил уже к вечерней смене. Однажды он вернулся в прескверном настроении и сказал, что к ним зашел пообедать некий Папаша Жоффре, причем уселся за его столик; папа не собирался его обслуживать, но хозяин, мсье Абрахамс, пригрозил: тогда, дескать, уходи и можешь не возвращаться.

– А кто такой Папаша Жоффре? – спросил Пьеро. Он прежде не слышал этого имени.

– В войну он был великим генералом, – ответила мама, вынимая из корзины груду белья и укладывая ее рядом с гладильной доской. – Наш герой.

– *Ваш* герой, – уточнил папа.

– Не забывай, что ты женат на француженке. – Мама ожгла его сердитым взглядом.

– Да, причем по любви, – отозвался папа. – Пьеро, я тебе не рассказывал, как впервые увидел маму? Года через два после Великой войны. Договорился встретиться с сестрой в ее обеденный перерыв. Сестра работала в магазине, я зашел за ней и увидел, что она разговаривает с новой помощницей. Та ужас до чего стеснялась – всего неделю как поступила на службу. Я только глянул на нее и сразу понял: вот моя будущая жена.

Пьеро улыбался; он любил, когда отец рассказывал такие истории.

– И вот открыл я рот, а сказать ничего не могу. Мозги как будто отключились. Стою, пялюсь на нее и молчу.

– Я думала, с ним удар. – Мама тоже улыбнулась воспоминаниям.

– Беатрис пришлось потрясти меня за плечи, – сказал папа и расхохотался над собственной глупостью.

– Если бы не твоя сестра, я бы ни за что не пошла на свидание с тобой, – прибавила мама. – А она мне говорит: лови момент. Он, мол, не такой болван, каким кажется.

– А почему мы не видимся с тетей Беатрис? – спросил Пьеро. За жизнь он несколько раз слышал ее имя, но никогда не встречал. Она не приезжала в гости и не писала им.

– Не видимся, и все, – отрезал папа. Его лицо изменилось, улыбка пропала.

– Но почему?

– Не приставай, Пьеро, – прикрикнул он.

– Да, Пьеро, не приставай, – повторила мама, и ее лицо тоже затуманилось. – Потому что у нас так принято. Мы гоним тех, кого любим, не говорим о важных вещах и ни от кого не принимаем помощи.

И вот так, в мгновение ока, хорошее настроение оказалось испорчено.

– Он жрет как свинья, – сказал папа через пару минут, присев на корточки и заглядывая Пьеро в глаза. Потом скрючил пальцы, изображая когти. – Папаша Жоффре, в смысле. Как крыса, которая вгрызается в кукурузный початок.

Папа бесконечно жаловался на низкую зарплату, на мсье и мадам Абрахамс, якобы разговаривающих с ним свысока, на парижан, которые с каждым днем все больше скупятся на чаевые.

– Потому у нас денег и нет, – ворчал он. – Кругом одни скопидомы. Особенно евреи – те вообще жмотье. А у нас в ресторане их вечно битком. Потому что во всей Западной Европе, видите ли, никто, кроме мадам Абрахамс, не умеет так готовить латкес и фаршированную рыбу.

– Аншель еврей, – тихо заметил Пьеро. Он часто видел, как его друг с матерью по воскресеньям идут в храм.

– Что ж, встречаются среди них и хорошие, вот Аншель, к примеру, – пробормотал папа. – Знаешь поговорку: в каждом стаде найдется хоть одна паршивая овца. Ну а тут наоборот.

– Денег у нас нет, – перебила мама, – потому что ты все спускаешь на вино. И не надо плохо говорить о соседях. Вспомни, как…

– Думаешь, я это купил? – Отец взял бутылку и показал матери этикетку – это домашнее вино подавали в ресторане мсье Абрахамса. – Твоя мать жуть какая наивная, – добавил он по-немецки, обращаясь к Пьеро.

Тот, вопреки всему, любил проводить время с отцом. Раз в месяц папа водил его в сад Тюильри и рассказывал, как называются деревья и другие растения, обрамляющие дорожки,

объяснял, как они меняются от сезона к сезону. Дедушка и бабушка, говорил папа, были настоящие фермеры и неустанно возделывали землю.

– Но, понятное дело, всего лишились, – прибавлял он. – Хозяйство у них отобрали. Труд всей жизни насмарку. Они так и не оправились от удара.

По дороге домой он покупал мороженое у торговца на улице. Один раз Пьеро мороженое уронил, но папа отдал ему свое.

Именно такие моменты мальчик старался вспоминать, если дома случались скандалы. Несколько недель спустя у них в гостиной разгорелся спор; соседи (не те, которым не нравилось, что Пьеро поет «Марсельезу» по-немецки, а другие) завели беседу о политике. Голоса звучали все громче, на свет выволакивались старые обиды, и после ухода гостей родители поссорились.

– Если бы только ты перестал пить! – кричала мама. – Алкоголь превращает тебя в чудовище. Разве ты не понимаешь, что обижаешь людей?

– Я пью, чтобы забыть! – орал папа. – Ты не видела того, что видел я. У тебя эти картины не мелькают перед глазами днем и ночью.

– Но это же было так давно. – Эмили шагнула к нему, хотела взять за руку. – Пожалуйста, Вильгельм. Я знаю, как тебе тяжело, но, может быть, это оттого, что ты не хочешь разумно все обсудить. Если бы ты разделил со мной свою боль… Маме не удалось договорить, потому что в следующий миг папа совершил очень-очень плохой поступок. Такое впервые случилось три-четыре месяца назад, и папа клялся, что это не повторится, но с тех пор уже трижды нарушал обещание. А мама Пьеро, хоть и очень страдала, всегда находила мужу оправдания.

– Ты не должен его осуждать, – сказала мама, обнаружив, что сын, видевший отвратительную сцену, рыдает у себя в комнате.

– Но он тебя обижает. – Пьеро поднял на нее заплаканные глаза. Д'Артаньян с кровати смотрел то на него, то на Эмили, а потом спрыгнул и уткнулся носом в бок сидящему на полу хозяину; песик всегда знал, когда Пьеро плохо.

– Он болен. – Эмили потрогала щеку. – А любимым людям во время болезни обязательно нужно помогать, пока они не выздоровеют. Если они принимают нашу помощь. А если нет… – Она глубоко вздохнула и продолжила: – Пьеро… как ты отнесешься к тому, что мы уедем?

– Все вместе?

Она покачала головой:

– Нет. Только ты и я.

– А папа?

Мама вздохнула. Пьеро видел, как ее глаза медленно наполняются слезами.

– Я знаю одно, – проговорила она. – Дальше так продолжаться не может.

В последний раз Пьеро, которому недавно исполнилось четыре, видел отца в мае, как-то вечером. Было тепло. На кухне опять валялись пустые бутылки, а папа кричал, бил себя ладонями по вискам и стонал: *они здесь, они всегда здесь, они придут и мне отомстят*. Пьеро совершенно ничего не понимал. Папа принялся без разбору хватать с буфета посуду и швырять на пол; тарелки, миски, чашки осколками брызгали в разные стороны. Мама, ломая руки, умоляла отца успокоиться, но он ударил ее в лицо, кулаком, и заорал пуще прежнего, причем что-то такое чудовищное, что Пьеро закрыл уши ладонями и вместе с Д'Артаньяном убежал к себе. Оба забились в шкаф. Пьеро колотила дрожь, но он старался не плакать, а песик, не выносивший криков и ссор, поскуливал и комком жался к хозяину. Пьеро сидел в шкафу очень долго, ждал, когда в доме стихнет, и только потом вылез. Отец куда-то исчез, а мама с измазанным кровью, сизым лицом неподвижно лежала на полу. Д'Артаньян осторожно приблизился и начал лизать ее в ухо, пытаясь разбудить, а Пьеро застыл и лишь с ужасом смотрел на мать. Собравшись с духом, он побежал к Бронштейнам и, не в силах ничего объяснить, показал наверх.

Мадам Бронштейн, видно, слышала скандал, но боялась вмешаться, а сейчас кинулась на второй этаж, перепрыгивая через две-три ступени. Пьеро между тем глядел на своего друга, и один мальчик не мог говорить, а другой – слышать; и Пьеро жалел, что не может сбежать из своего мира в чужой и там получить хоть какое-то облегчение.

Несколько месяцев от папы не было известий. Пьеро очень хотел и одновременно очень страшился его возвращения, но однажды утром им с мамой сообщили, что Вильгельм упал под поезд, следовавший из Мюнхена в Пензберг – в город, где отец родился и провел детство. Пьеро скрылся в своей комнате, запер дверь, поглядел на собаку, дремавшую на кровати, и необычайно спокойно произнес: – Папа теперь смотрит на нас сверху, Д'Артаньян. И он еще обязательно будет мной гордиться, обещаю.

Мсье и мадам Абрахамс предложили Эмили место официантки, что, по словам мадам Бронштейн, было вовсе не так уж и кошерно: ведь ей отдавали работу ее же покойного супруга. Но мама, понимая, что без денег не прожить, с благодарностью согласилась.

Ресторанчик находился на полдороге от дома до школы[1], поэтому всю вторую половину дня Пьеро читал или рисовал в комнатке на нижнем этаже ресторана.

Служащие приходили и уходили, отдыхали там в свой перерыв, сплетничали о посетителях, старались развлечь Пьеро. Мадам Абрахамс обязательно приносила ему тарелку с блюдом дня и креманку мороженого на десерт.

Три года Пьеро едва ли не жил в этой комнатке. Мама наверху обслуживала столики, а он, хоть никогда и не говорил об отце, думал о нем каждый день, представлял: вот папа стоит здесь, вот переодевается утром в униформу, вот подсчитывает вечером чаевые.

Много позже, оглядываясь на свое детство, Пьеро не знал, что и думать, настолько все казалось противоречиво. Да, он страшно тосковал по отцу, но у него было много друзей, ему нравилась школа, и с мамой они жили душа в душу. Париж процветал, улицы кишели народом, пульсировали энергией.

Но в 1936 году день рождения Эмили, обещавший много веселья, обернулся трагедией. Вечером мадам Бронштейн и Аншель поднялись к ним с маленьким тортом, чтобы поздравить новорожденную, и Пьеро с другом жевали уже по второму куску, когда вдруг ни с того ни с сего мама раскашлялась. Вначале Пьеро подумал, что она подавилась тортом, но кашель не унимался. Мадам Бронштейн принесла стакан воды, мама попила и вроде бы затихла, но глаза у нее оставались красными, и она прижимала руку к груди, словно там что-то болело.

– Все хорошо, – сказала она, едва задышав нормально. – Простыла, видно.

– Но, милая… – Мадам Бронштейн, побледнев, показала на льняной платок в руках Эмили.

Пьеро глянул и раскрыл рот: в центре платка алели три пятнышка крови. Мама уставилась на них, а потом, скомкав платок, сунула его в карман. Осторожно взялась за подлокотники, встала с кресла, оправила платье и криво улыбнулась.

– Эмили, с тобой точно все в порядке? – спросила мадам Бронштейн, тоже встав, и мама Пьеро поспешно кивнула.

– Пустяки, – ответила она. – Ангина, наверное. Вот только я немножко устала, мне надо бы поспать. Огромное спасибо за торт и что вы обо мне вспомнили, но если вы с Аншелем не возражаете…

[1] Во Франции дети ходят в школу с 3–4 лет, на самом деле это не школа, а разновидность детского сада. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Конечно, конечно. – Мадам Бронштейн, подталкивая Аншеля в спину, заторопилась к двери. Раньше Пьеро не замечал за ней такой прыти. – Если что понадобится, топни пару раз, я тотчас прибегу.

В тот вечер и еще несколько дней мама не кашляла, но вскоре, обслуживая посетителей, почти потеряла сознание, и ее принесли вниз, туда, где Пьеро играл в шахматы с одним официантом. Лицо матери было серым, и платок не в пятнышках крови, как раньше, а красный весь. Пот тек по лбу, по щекам; доктор Шибо, едва взглянув на больную, вызвал «скорую». Уже через час мама лежала на койке в больнице Отель-Дье де Пари, и врачи, осматривая ее, тревожно перешептывались.

Ночь Пьеро провел у Бронштейнов, валетом в кровати с Аншелем, а Д'Артаньян посапывал на полу. Пьеро умирал от страха и очень хотел обо всем поговорить с другом, но в темноте от его блестящего знания языка жестов не было никакого проку.

Неделю он ежедневно навещал маму, и с каждым разом ей дышалось все труднее. В воскресенье он был с ней один, когда ее дыхание начало замедляться, а потом и вовсе остановилось. Пальцы, сжимавшие ладошку сына, обмякли; глаза сделались неподвижны, а голова соскользнула с подушки. Пьеро понял, что мама умерла.

Пару минут он сидел абсолютно неподвижно. Затем встал, бесшумно задернул вокруг койки занавески, снова сел на стул, схватился за руку матери и держал крепко-крепко, не отпуская. Наконец пришла пожилая медсестра, сразу все поняла и сказала, что умершую следует перенести в другое место, подготовить для похорон. Услышав это, Пьеро разрыдался, и ему казалось, что слезы будут литься вечно. Он цеплялся за тело матери; медсестра его утешала. Он плакал долго и никак не мог успокоиться, а затихнув, почувствовал, что внутри у него как будто бы все сломалось. Так больно ему еще не бывало ни разу.

– Пусть с ней останется вот это. – Пьеро вынул из кармана папину фотокарточку и положил на кровать рядом с мамой.

Медсестра кивнула и пообещала проследить, чтобы снимок не потерялся.

– Надо кому-нибудь позвонить? У тебя есть родные? – спросила она.

– Нет, – замотав головой, ответил Пьеро. Он очень боялся посмотреть ей в глаза и увидеть там жалость или безразличие. – Никого нет. Только я. Я теперь один.

Глава 2
Медаль в шкафу

Симона и Адель Дюран родились с разницей в год, никогда не были замужем и чудесно уживались друг с другом, несмотря на крайнюю непохожесть.

Симона, старшая, удивительно рослая, точно башня возвышалась почти над всеми мужчинами. Настоящая красавица, смуглая, с глубокими карими глазами и артистической душой, она, казалось, не знала большего счастья, чем сидеть часами за пианино и наслаждаться музыкой, позабыв обо всем на свете. Адель, желтовато-бледная, низенькая, толстозадая, при ходьбе переваливалась утицей и вообще изрядно напоминала эту птицу. Она была хлопотлива и, не в пример Симоне, общительна, однако по части музыки являла собой абсолютный ноль.

Сестры выросли в большом особняке милях в восьмидесяти к югу от Парижа, в городе Орлеане, с которого знаменитая Жанна д'Арк пятьсот лет назад сняла вражескую осаду. В раннем детстве девочки думали, что родились в самой многочисленной семье на всю Францию, поскольку в общих спальнях третьего, четвертого и пятого этажей их дома проживало почти пятьдесят детей возрастом от нескольких недель до семнадцати лет. Одни были добры, другие злы, третьи робки, четвертые драчливы, но всех объединяло одно: они были сироты. До второго этажа, где располагалась квартира семьи Дюран, детские голоса и топот доносились постоянно – вечером, когда воспитанники болтали перед сном, и утром, когда они, повизгивая, босиком бегали по холодному мраморному полу. Симона и Адель жили с ними рядом, но как бы и в сторонке и, пока не подросли, толком не понимали, чем отличаются от этих ребят.

Мсье и мадам Дюран, мама и папа девочек, основали приют, едва поженившись, и заведовали им до самой своей смерти, чрезвычайно строго соблюдая правила приема, определявшие, кого следует брать, а кого нет. Потом родители умерли, и сестры продолжили семейное дело. Они полностью посвятили себя заботе о сиротах, но порядки коренным образом изменили.

– Мы рады принять любого ребенка, оставшегося без родных, – провозгласили они. – Цвет, раса, вероисповедание не имеют значения.

Симона и Адель ощущали себя единым целым, когда ежедневно шаг в шаг обходили территорию приюта, осматривали клумбы, отдавали распоряжения садовнику. Помимо внешности сестер отличало еще кое-что: Адель с утра до ночи, буквально с момента пробуждения и до отхода ко сну, не умолкала ни на секунду, а молчальница Симона говорила крайне редко и скупыми предложениями – каждое слово будто последний вздох.

Пьеро познакомился с сестрами Дюран через месяц после смерти матери. Он уезжал с вокзала Аустерлиц нарядный и в новехоньком шарфике, прощальном подарке мадам Бронштейн, купленном накануне днем в Галерее Лафайет. Аншель, его мама и Д'Артаньян пришли проводить Пьеро, а у того с каждым шагом сердце проваливалось куда-то все глубже и глубже. Ему было страшно и отчаянно одиноко, он тосковал по маме и жалел, что ему с собакой нельзя остаться у Бронштейнов. Он жил у них с самых похорон и каждую субботу наблюдал, как мадам Бронштейн с сыном отправляются в храм, а однажды даже попросился с ними, но мадам Бронштейн сказала, что сейчас не лучшее время, и предложила пойти погулять с Д'Артаньяном на Марсовом поле.

Шли дни. Как-то к вечеру мадам Бронштейн вернулась домой с приятельницей, и Пьеро услышал, что гостья говорит:

– А моя кузина усыновила гоя, и он у них мигом прижился.

– Беда не в том, что он гой, Рут, – ответила мадам Бронштейн, – а в том, что мне денег не хватит. Их, по правде говоря, кот наплакал. Леви очень мало оставил. Я, конечно, держу марку, во всяком случае, стараюсь, но одинокой вдове в этом мире ой как непросто. А что у меня есть, я обязана тратить на Аншеля.

– Таки да, своя рубашка ближе к телу, – поддержала дама. – Но неужто не найдется кого-то, кто бы…

– Я старалась как могла. Поверь, кого вспомнила, со всеми поговорила. Кстати, ты, видимо, вряд ли?..

– Нет, прости. Времена тяжелые, ты верно заметила. И, кроме того, согласись, евреям в Париже легче не становится. Мальчику лучше среди своих.

– Наверное, ты права. Конечно, не следовало и спрашивать.

– Очень даже следовало! Ты делаешь для него все, что в твоих силах. Уж такая ты. *Мы* такие. Но не выходит – значит, не выходит. Ну так что, ты скоро ему скажешь?

– Сегодня вечером, думаю. Ох, будет нелегко.

Пьеро вернулся в комнату Аншеля и задумался над непонятным разговором, потом отыскал в словаре слово «гой», но все равно не понял, к чему оно. Он долго сидел, перебрасывая в руках ермолку Аншеля, которую снял со спинки стула; позже, когда мадам Бронштейн пришла с ним поговорить, ермолка красовалась у него на голове.

– Сними! – прикрикнула мадам Бронштейн, сдернула ермолку и повесила обратно на спинку стула. Она впервые в жизни так резко разговаривала с Пьеро. – Этими вещами не шутят. Это тебе не игрушка, это святое.

Пьеро промолчал, но ему стало стыдно, и он встревожился. Его не берут в храм, ему не дают носить шапку друга; абсолютно ясно, что он здесь лишний. Чуть погодя, узнав, куда его отправляют, он убедился в этом окончательно.

– Мне очень жаль, Пьеро, – сказала мадам Бронштейн, закончив объяснения. – Но приют, я слышала, хороший. Уверена, тебе там понравится. И может быть, скоро тебя усыновят какие-нибудь милые люди.

– А Д'Артаньян? – спросил Пьеро и поглядел на песика, спавшего на полу.

– Мы о нем позаботимся, – заверила мадам Бронштейн. – Он ведь любит косточки, да?

– Он любит косточки.

– Ну так они бесплатные, спасибо мсье Абрахамсу. Пожертвую, говорит, несколько штучек в день, очень уж мы с женой любили его маму.

Пьеро промолчал; он не сомневался, что, обернись все иначе, мама взяла бы к ним Аншеля. Хоть мадам Бронштейн об этом молчит, но дело, видно, в том, что он гой. Впрочем, сейчас Пьеро волновался о другом: что останется совсем без близких. Аншель и Д'Артаньян будут вместе, а он – один-одинешенек.

Надеюсь, я не забуду, как это делается, показал Пьеро. Они с другом стояли на платформе; мадам Бронштейн ушла покупать билет – туда, но не обратно.

Ты сказал, что надеешься не стать орлом, засмеялся Аншель и продемонстрировал, какими знаками следовало воспользоваться.

Вот видишь? – показал Пьеро, жалея, что не может подбросить все эти фигуры в воздух и поймать в правильном порядке. *Я уже забываю.*

Ничего подобного. Просто ты еще учишься.

Ты умеешь настолько лучше.

Аншель улыбнулся. *Приходится.*

Пьеро обернулся, услышав, что из клапанов поезда повалил пар; по ушам ударил пронзительный свист; кондуктор яростно призывал пассажиров на платформу. В животе у мальчика тревожно екнуло. Но к волнению, конечно, примешивалась и радость – предстояло путешествие, а Пьеро в жизни еще не ездил на паровозе, – вот только хорошо бы поездка не кончалась. Он боялся того, что ждет его впереди.

Давай друг другу писать, Аншель, показал Пьеро. *Нам нельзя теряться.*

Каждую неделю.

Пьеро показал лису, Аншель – собаку; они стояли, подняв руки, и символ вечной дружбы долго трепетал в воздухе. Мальчики хотели обняться на прощанье, но на платформе было полно народу. Они застеснялись и лишь обменялись рукопожатием.

– До свидания, Пьеро. – Мадам Бронштейн наклонилась его поцеловать, но поезд шумел, толпа ревела, и он ее почти не слышал.

– Это потому, что я не еврей, да? – спросил Пьеро, глядя ей прямо в лицо. – Вы не любите гоев и не хотите, чтобы они у вас жили.

– Что? – Женщина потрясенно выпрямилась. – Пьеро, с чего ты взял? Вот уж о чем я не думала! Но ты же умный мальчик. Ты наверняка заметил, как меняется отношение к евреям – как нас обзывают, как нас ненавидят.

– Но если б я был еврей, вы бы меня все-таки оставили, да? Я знаю, что оставили бы.

– Нет, Пьеро. Я забочусь о твоей безопасности и…

– По вагонам! – громко крикнул кондуктор. – Поезд отправляется! По вагонам!

– До свидания, Аншель. – Пьеро не желал больше слушать мадам Бронштейн и встал на подножку вагона.

– Пьеро! – закричала она. – Подожди, пожалуйста! Дай объяснить – ты все не так понял!

Но он не обернулся. Его жизнь в Париже подошла к концу, он понял это сейчас с поразительной ясностью. Закрыл дверь купе, сделал глубокий вдох и ступил навстречу новой судьбе.

Через полтора часа кондуктор похлопал Пьеро по плечу и показал в окно, на приближающиеся церковные колокольни.

– Ну-ка, – сказал он, тыча пальцем в бумажку, которую мадам Бронштейн приколола мальчику к лацкану пиджака, написав на ней большими черными буквами его имя – ПЬЕРО ФИШЕР – и место назначения – ОРЛЕАН. – Твоя станция.

Пьеро испуганно сглотнул, достал из-под сиденья свой чемоданчик и прошел к двери. Поезд остановился. Пьеро ступил на платформу и подождал, пока рассеется пар; он хотел понять, встречает ли его кто-нибудь. Им вдруг овладела паника: что делать, если никого нет? Кто о нем позаботится? Ему, в конце концов, всего только семь, и у него нет денег на обратный билет. Что он будет есть? Где будет спать? Что вообще с ним станется?

Кто-то тронул его за плечо. Он поднял голову. Краснолицый мужчина сорвал бумажку с его лацкана и поднес близко к глазам, затем скомкал и выбросил.

– Тебе со мной, – объявил он и направился к возку с лошадью. Пьеро, застыв, смотрел ему вслед. – Шевелись, – поторопил мужчина, оборачиваясь и сурово глядя на него. – Тебе, может, время и не дорого, а мне так вот очень.

– Вы кто? – спросил Пьеро. Он не собирался никуда идти с каким-то незнакомцем – вдруг это фермер, которому не хватает людей собирать урожай, и Пьеро угодит к нему в рабство? У Аншеля был такой рассказ, и там все для всех закончилось очень плохо.

– Кто я? – переспросил мужчина и ухмыльнулся: ну, ты, мол, и нахал. – Я тот, кто отдубит тебе шкуру, если ты сию же минуту не сядешь куда сказано.

Пьеро вытаращил глаза: не пробыл в Орлеане и двух минут, а ему уже угрожают расправой. Он в ужасе затряс головой и решительно сел на чемодан.

– Извините, – сказал. – Но мне велели никуда не ходить с незнакомыми людьми.

– Не боись, скоро познакомимся. – И мужчина снова ухмыльнулся. Лицо его немного смягчилось. Ему было около пятидесяти, и он слегка напоминал мсье Абрахамса, хозяина кафе, – вот только не брился уже дней пять и одет был в разномастные лохмотья. – Ты ведь Пьеро Фишер, верно? Хотя неважно, все одно у тебя на бирке так написано. Меня сестры Дюран за тобой прислали. Звать меня Юпер. Я сестрицам по хозяйству помогаю. Иногда встречаю новых ребятишек на станции. Ну, тех, которые в одиночку путешествуют.

– А, – Пьеро встал, – я думал, они меня сами встретят.

– Ага, а мелкотню свою, отродье сатанинское, оставят заправлять приютом? Это вряд ли. Не то к возвращению камня на камне не найдут. – Юпер шагнул назад, поднял чемодан Пьеро и заговорил уже по-другому: – Слушай, бояться тебе там нечего. Место хорошее. Женщины они добрые, две их. Ну так что – едешь со мной иль как?

Пьеро огляделся. Поезд ушел, и вокруг на целые мили не было решительно ничего, одни поля. Похоже, выбора нет.

– Ладно, – согласился он.

Не прошло и часа, как Пьеро очутился в аккуратном и строгом кабинете, из двух огромных окон которого открывался вид на ухоженный парк. Сестры Дюран внимательно изучали мальчика с головы до ног – точно на ярмарке, подумывая его купить.

– Сколько тебе лет? – осведомилась Симона, поднося к глазам очки на шнурке. Глянула и разжала пальцы – очки повисли на шее.

– Семь, – ответил Пьеро.

– Не может быть, ты слишком маленький.

– Я всегда был маленький, – сказал Пьеро. – Но у меня есть план подрасти.

– Да? – с сомнением обронила Симона.

– Какой чудный возраст, семь лет. – Адель сцепила пальцы и залучилась улыбкой. – Дети в это время такие счастливые, так полны интереса к жизни.

– Милая, – перебила Симона, касаясь руки сестры, – у ребенка совсем недавно умерла мама. Сомневаюсь, что он лопается от счастья.

– О, конечно, конечно, разумеется, – сразу посерьезнев, затараторила Адель. – Сейчас ты в трауре. Это чудовищное испытание, потерять близкого человека. Чудовищное. Мы с сестрой понимаем тебя как никто. Я только хотела сказать, что, по-моему, мальчики в твоем возрасте очаровательны. Противными вы становитесь позже, лет в тринадцать-четырнадцать. Но с тобой, разумеется, этого не произойдет. Уверена, ты всегда будешь очень, очень, очень хорошим.

– Милая, – тихо повторила Симона.

– Ой, простите, – спохватилась Адель. – Я ужасно много болтаю, да? Но разрешите мне сказать следующее. – Она прокашлялась, как будто собираясь произносить речь перед целым залом крикливых фабричных рабочих. – Мы очень счастливы, что ты теперь с нами, Пьеро. У меня нет сомнений, что ты станешь чудесным добавлением к нашей, как мы здесь любим говорить, дружной семейке. И господи боже мой, ну разве ты не красавчик! Какие очаровательные голубенькие глазки! У меня раньше был спаниель вот точно с такими же вот глазками. То есть нет, я, конечно, не сравниваю тебя с собакой, боже упаси. Это было бы ужасно грубо. Я имела в виду, что ты мне его напомнил, вот и все. Симона, правда, глаза у Пьеро в точности как у Каспера?

Симона подняла бровь, внимательно оглядела мальчика и лишь тогда ответила:

– Нет.

– Ой, да ведь просто же один в один! – восторженно выкрикнула Адель. Пьеро заподозрил, что эта женщина всерьез думает, будто ее мертвая собака воскресла в человечьем обличье. – Но давайте вернемся к главному. – Она напустила на себя строгий вид. – Мы с сестрой искренне скорбим о твоей дорогой мамочке. Такая молодая и, насколько мы знаем, так прекрасно о тебе заботилась. И главное, после всего, что ей пришлось пережить, подумать только! Чудовищная несправедливость! Женщина, которой есть для чего жить, уходит в мир иной, и когда? Когда она больше всего нужна своему сыночку, бедняжка! Прямо скажу, я уверена, что мамочка тебя безумно любила. Ты согласна, Симона? Ты тоже думаешь, что мадам Фишер безумно любила Пьеро?

Симона подняла глаза от гроссбуха, куда записывала рост и прочие физические параметры Пьеро.

– Полагаю, практически все матери любят своих детей. Вряд ли это стоит специального упоминания.

– А твой папочка, – продолжала Адель, – он умер несколько лет назад, верно?

– Да, – сказал Пьеро.

– И больше у тебя никого нет?

– Нет. Ну, то есть, у папы, кажется, есть сестра, но я с ней не знаком. Она к нам ни разу не приезжала. Может, она и вовсе про меня не знает, и про то, что родители умерли, тоже. У меня нет ее адреса.

– Ой, как жаль!

– А сколько мне здесь жить? – спросил Пьеро, вдруг заметив, что повсюду рисунки и фотографии. На письменном столе стоял снимок мужчины и женщины с хмурыми лицами, они сидели в креслах, отставленных далеко друг от друга. Видно, поссорились перед приходом фотографа, решил Пьеро. По их внешности он догадался, что это родители сестер. В противоположном углу стола располагалась еще одна фотокарточка в рамке – две маленькие девочки держали за руки мальчика чуть помладше. А на стене висел фотографический портрет юноши с похожими на карандашик усиками, одетого во французскую военную форму. Он был снят в три четверти и с очевидной тоской взирал через окно в сад.

– Многих наших сирот забирают в хорошие семьи буквально через месяц-другой после приезда. – Адель села на кушетку и жестом пригласила Пьеро сесть рядом. – Есть столько замечательных мужчин и женщин, которые мечтают о детках, но Господь не дарует им своего благословения; другие по доброте душевной готовы принять в семью еще одного братика или сестричку для своих малышей. Никогда не надо недооценивать человеческую доброту, Пьеро.

– А равно и жестокость, – пробормотала из-за стола Симона. Пьеро удивленно на нее глянул, но она не подняла глаз.

– Некоторые дети живут здесь всего пару дней или недель, – продолжала Адель, игнорируя реплику сестры. – Кто-то, конечно, подольше. Но однажды к нам привезли маленького мальчика примерно твоих лет, привезли утром, а к обеду уже забрали. Мы даже толком не успели с ним познакомиться, правда, Симона?

– Да, – буркнула Симона.

– Как его звали?

– Не помню.

– Ну, неважно, – сказала Адель. – Суть в том, что предугадать, кого и в какое время заберут, невозможно. Но это вполне может случиться с тобой, Пьеро.

– Сейчас пять часов, – ответил он. – День почти кончился.

– Я имела в виду, что…

– А скольких так и не усыновили? – спросил Пьеро.

– Хм? Что-что?

– Скольких так и не усыновили? – повторил он. – Сколько детей живут здесь, пока не вырастут?

– Ну, – улыбка Адель слегка поблекла, – трудновато с ходу взять и подсчитать. Это, разумеется, случается изредка, да-да, увы, случается, но я сильно сомневаюсь, что так будет с тобой. Любая семья будет счастлива такому мальчику! Но давай пока об этом не думать. Сколько бы ты у нас ни пробыл, долго или коротко, мы постараемся, чтобы тебе было хорошо. Сейчас для тебя главное – освоиться на новом месте, обзавестись новыми друзьями, почувствовать себя дома. Ты, Пьеро, вероятно, слышал о приютах всякие плохие истории, потому что на свете много людей, которые любят рассказывать гадости, – а один нехороший англичанин, мистер Диккенс, своими романами вообще всем нам подпортил репутацию, – но будь спокоен: в нашем заведении ничего неподобающего не происходит. У нас все мальчики и девочки счаст-

ливы, а если тебе когда-нибудь станет страшно или одиноко, сразу найди меня или Симону, мы с радостью тебя утешим. Правда, Симона?

– Адель обычно довольно легко найти, – ответствовала старшая сестра.

– А где я буду спать? – спросил Пьеро. – У меня будет своя комната?

– О нет, – сказала Адель. – Даже у нас с Симоной нет своих комнат. Здесь ведь не Версальский дворец, ты же понимаешь! Нет, у нас в приюте общие спальни. Отдельно для мальчиков и для девочек, разумеется, на этот счет можешь не беспокоиться. В каждой спальне десять кроватей, но там, где поселишься ты, сейчас пока довольно свободно, ты станешь седьмым в комнате. Выбери любую пустую кровать. Одно условие: выбрал так выбрал, больше не меняй. Это очень все упрощает в день стирки. Ванну будешь принимать по средам вечером, хотя, – тут она наклонилась вперед и легонько нюхнула воздух, – нелишне было бы принять и сегодня, смыть пыль Парижа и грязь поезда. Ты для этого явно созрел, мой милый. Подъем у нас в шесть тридцать, потом завтрак, занятия, обед, еще занятия, игры, ужин и сон. Тебе у нас понравится, Пьеро, я уверена, что понравится. И мы приложим все усилия, чтобы найти для тебя замечательную семью. Вот видишь, какая чудная наша работа? Мы счастливы, что ты сейчас с нами, но будем счастливы вдвойне, если ты нас покинешь. Верно, Симона?

– Да, – кивнула та.

Адель встала и пригласила Пьеро следовать за собой, собираясь показать ему приют, но по дороге к двери он заметил, как в небольшом стеклянном шкафу что-то блеснуло, и подошел посмотреть. Прижал лицо к стеклу и, прищурившись, вгляделся в бронзовый кружок с фигуркой посередине, висящий на красно-белой ленте. К ленте был приколот бронзовый значок с надписью *Волонтер*. Внизу стояла свечка и еще одна небольшая фотография юноши с усиками; он улыбался и махал рукой из поезда, отъезжающего от станции. Пьеро сразу узнал платформу: та самая, куда его сегодня доставил парижский поезд.

– Что это? – Пьеро показал на медаль. – И кто это?

– Тебя не касается. – Симона тоже встала, и Пьеро, обернувшись, испугался ее сурового лица. – Это трогать нельзя, даже пальцем. Никогда! Адель, проводи его в спальню. Сейчас же, пожалуйста!

Глава 3
Письмо от друга и письмо от незнакомки

В приюте оказалось вовсе не так замечательно, как расписывала Адель Дюран. Кровати были жесткие, одеяла тонкие. Невкусной еды всегда давали с избытком, зато вкусной вечно не хватало.

Пьеро всячески старался обзавестись друзьями, но выяснилось, что и это нелегко. Воспитанники приюта хорошо знали друг друга, и новичка в компанию никто принимать не хотел. Любители книг не допускали Пьеро к своим дискуссиям, поскольку он не читал того же, что и они. Дети, уже много месяцев строившие миниатюрную деревню из деревяшек, собранных в лесу, опасались, что, коль скоро Пьеро не отличает уровень от рубанка, все их труды могут пойти насмарку, и отрицательно качали головами: мол, не хотим рисковать. А парни, которые каждый день после обеда играли во дворе в футбол и называли себя именами любимых игроков французской сборной – Куртуа, Маттлер, Дельфур, – однажды взяли Пьеро стоять на воротах, но его команда проиграла 0:11. И ему сказали, что он слишком маленький и не способен брать верховые мячи, а все другие позиции, увы, заняты.

– Прости, Пьеро, – пропели они без всякого сожаления.

Так что Пьеро водил компанию лишь с одной девочкой на пару лет старше себя. Ее звали Жозетт, и она попала в приют три года назад; ее родители погибли при крушении поезда под Тулузой. Жозетт дважды удочеряли, но после возвращали, как посылку, доставленную не по адресу, заявляя, что ее присутствие в доме «слишком разрушительно».

– Первые муж с женой были просто ужасные, – призналась она Пьеро, когда они как-то утром сидели под деревом, зарывшись ногами в траву, сыроватую от росы. – Причем не желали звать меня Жозетт. Всегда, видите ли, хотели дочку по имени Мария-Луиза. А вторая семейка просто решила обзавестись бесплатной служанкой. Там меня, как Золушку, с утра до ночи заставляли мыть полы и посуду. Ну я им и устраивала веселую жизнь, пока не отпустили. А вообще мне нравится у Симоны и Адель, – прибавила Жозетт. – Может, я и разрешу себя удочерить. Но не сейчас. Мне пока и здесь нормально. Самым противным человеком в приюте был Уго. Он жил здесь с рождения – уже одиннадцать лет – и из всех детей, состоявших на попечении сестер Дюран, считался самым главным и одновременно самым опасным. У него были волосы до плеч, и спал он в одной комнате с Пьеро, на соседней кровати. Пьеро горько жалел, что в день приезда выбрал именно это место: Уго храпел, да так оглушительно, что иной раз приходилось с головой накрываться одеялом, лишь бы заглушить этот безумный рев. Пьеро, в поисках выхода из отчаянного положения, пробовал даже затыкать уши комочками из газетной бумаги.

Симона и Адель не планировали отдавать Уго на усыновление, а потому, когда в приют приезжали супружеские пары, он не умывался, не переодевался в чистую рубашку и не шел улыбаться взрослым, как другие сироты, а оставался в своей комнате. В свободное время он обычно слонялся по коридорам и искал, кого бы обидеть. И естественно, маленький и худенький Пьеро стал для него идеальной мишенью.

Вариантов травли Уго знал несколько, и все не слишком оригинальные. Иногда он дожидался, пока Пьеро заснет, и макал его левую руку в миску с теплой водой – тогда с Пьеро случалось то, что вообще-то прекратилось годам к трем. А иногда придерживал за спинку стул, куда хотел сесть Пьеро, и вынуждал стоять, пока не рассердится учитель. В ванной Уго, бывало, утаскивал полотенце, и Пьеро, красному от стыда, приходилось голышом бежать в спальню, где мальчишки хохотали и показывали на него пальцем. Порою же Уго выбирал традиционный, проверенный временем способ: набрасывался из-за угла, хватал Пьеро за волосы, бил в живот и отпускал всего в синяках и порванной одежде.

– Кто это тебя? – спросила Адель, увидев, что Пьеро сидит у озера один и рассматривает ссадину на руке. – Чего я по-настоящему не терплю, Пьеро, так это драчунов.

– Не скажу, – ответил он, не отрывая глаз от земли. Не хотел быть доносчиком.

– Но ты должен, – настаивала Адель. – Иначе я не смогу тебе помочь. Это Лоран? Он у нас уже попадался на таких делах.

Пьеро покачал головой:

– Нет, не Лоран.

– Тогда Сильвестр? От него хорошего не жди.

– Нет, – сказал Пьеро. – И не Сильвестр.

Адель отвела глаза и тяжело вздохнула.

– Уго, да? – произнесла она после долгой паузы, и по ее голосу Пьеро понял, что она так и думала с самого начала, но очень надеялась ошибиться.

Пьеро молчал, пинал носком ботинка камешки и смотрел, как они скатываются в воду.

– Можно я пойду в спальню?

Адель кивнула, и он, шагая через парк, спиной чувствовал ее взгляд.

Назавтра Пьеро и Жозетт ходили по двору и разыскивали семейство лягушек, которое повстречали дня три назад; Пьеро рассказывал про письмо от Аншеля, полученное утром.

– А о чем вы друг другу пишете? – заинтригованно спросила Жозетт. Сама она писем не получала.

– Ну, у него живет моя собака, Д'Артаньян, – ответил Пьеро, – так что Аншель пишет про него. А еще про то, что сейчас происходит в моем районе, там, где я вырос. Представляешь, там, оказывается, был бунт. Но я вообще-то рад, что этого не застал.

Жозетт неделю назад читала про бунт в газетной статье, где заявлялось, что евреям место исключительно на гильотине. Впрочем, почти все печатные издания проклинали жидов и советовали им проваливать куда подальше, и Жозетт такие воззвания алчно проглатывала.

– А еще он присылает свои рассказы, – продолжал Пьеро, – потому что он хочет стать…

Договорить не удалось. Из рощицы, потрясая палками, вышли Уго и два его приятеля, Жерар и Марк.

– Ой, кто это? – Уго, лыбясь, тыльной стороной ладони мазнул под носом, вытирая какую-то мерзость. – Счастливейшие наши супружники мсье и мадам Фишер?

– Отвали, Уго. – Жозетт попыталась обойти его, но он одним прыжком загородил ей дорогу и замотал головой, выставив перед собой палки крест-накрест.

– Это моя земля, – объявил он. – Хочешь пройти – плати пошлину.

Жозетт глубоко вздохнула: мол, удивительно, какие же придурки эти мальчишки, и сложила на груди руки. Она с вызовом смотрела прямо на Уго, отказываясь сдаваться. Пьеро, стоя сзади, сокрушался, и зачем их с Жозетт вообще сюда занесло.

– Хорошо, – сказала девочка. – Сколько?

– Пять франков, – ответил Уго.

– Запиши на мой счет.

– Тогда пойдут проценты. По франку за каждый день, пока не заплатишь.

– Отлично, – бросила Жозетт. – Сообщи, когда набежит миллион, я свяжусь со своим банком и прикажу перевести на твой счет.

– Что, думаешь, самая умная? – И Уго закатил глаза.

– Уж поумней тебя.

– Ага, щас.

– Точно умней. – Пьеро почувствовал, что надо что-то сказать, дабы не прослыть трусом.

Уго глянул на него, чуть заметно ухмыляясь.

– Защищаешь подружку, да, Фишер? Весь из себя такой влюбленный, да? – Он зачмокал губами, изображая поцелуи, потом повернулся к ним спиной, обхватил себя за бока и завозил руками вверх-вниз.

– Господи, вот же кретин, – проговорила Жозетт.

Пьеро не выдержал и расхохотался, хоть и знал, что не стоит провоцировать Уго – его и без того вечно красная физиономия от обиды побагровела еще сильнее.

– Но-но, не нарывайся, – Уго больно ткнул ее в плечо палкой, – забыла, кто тут главный?

– Ха! – вскричала Жозетт. – Думаешь, ты? Да кто позволит быть главным *какому-то жиденку*?

Уго мгновенно помрачнел, сконфузился, лоб его собрался морщинами.

– Ты чего? Это ж просто игра.

– Ты не умеешь играть, Уго, – отрезала девочка. – Но ты не виноват, верно? Такая уж у тебя натура. Свинья, она хрюкает, чего еще от нее ждать?

Пьеро нахмурился. Так Уго тоже еврей? Ему хотелось посмеяться вместе с Жозетт, но он вспомнил, как мальчишки в классе обзывали Аншеля и как это расстраивало беднягу.

Жозетт повернулась к приятелю:

– Знаешь, зачем ему длинные волосы, Пьеро? Чтобы рога прятать. Если его постричь, станет видно.

– Заткнись, – буркнул Уго, явно подрастеряв напор.

– А если он снимет штаны, мы и хвост увидим.

– Заткнись! – повторил Уго уже громче.

– Пьеро, ты спишь с ним в одной комнате. Когда он переодевался, ты видел хвост?

– Да, и он очень длинный и весь в чешуе. – Инициатива в разговоре явно перешла к Жозетт, и Пьеро осмелел. – Прямо как у дракона.

– Тебе вообще не стоило бы находиться с ним в одном помещении, – наставительно произнесла она. – С ними, знаешь, лучше вовсе не соприкасаться. Так все говорят. У нас в приюте их несколько штук. Надо их поселить отдельно. Или выслать.

– *Заткнись!* – взревел Уго и ринулся вперед.

Жозетт отскочила, Пьеро встал между ними, и Уго кулаком угодил ему прямо в нос. Раздался отвратительный хруст, Пьеро рухнул на землю, из его верхней губы хлынула кровь. Он взвыл: «Аааа!» Жозетт завопила, Уго разинул рот, а через мгновение его уже и след простыл, он исчез в лесу; Жерар и Марк бросились следом.

С лицом Пьеро творилось что-то странное. Причем не так чтобы совсем неприятное: ему вдруг показалось, что он вот-вот – и чихнет, со всей силы. Но в голове, где-то за глазами, уже пульсировала боль, а во рту внезапно все пересохло. Он посмотрел на Жозетт – та в ужасе глядела на него, прижав ладони к щекам.

– Ничего, ерунда, – пробормотал Пьеро, вставая. Правда, ноги почему-то отказывались его держать. – Царапина просто.

– Нет, не ерунда, – возразила Жозетт. – Надо срочно найти сестер.

– Ерунда, – повторил Пьеро и потрогал лицо – удостовериться, что все по-прежнему на месте, там, где положено быть. Потом взглянул на руку и весь содрогнулся: ладонь была красная. Тут же вспомнился мамин платок на дне рождения, тот тоже был залит кровью.

– Плохо дело, – прошептал он. Внезапно ноги его подкосились, лес закружился, и Пьеро потерял сознание.

И вдруг с удивлением обнаружил, что лежит на диване в кабинете сестер Дюран. Симона стояла у раковины и держала под краном фланелевую тряпицу, затем выжала ее и, лишь на секунду задержавшись, чтобы поправить фото на стене, подошла к Пьеро и положила мокрую тряпочку ему на переносицу.

– Очнулся, – констатировала она.

– Что произошло? – Пьеро приподнялся на локтях. Голова болела, во рту было сухо, а между бровями, там, куда ударил Уго, очень неприятно жгло.

– Нос не сломан. – Симона присела рядом. – Я подумала было, что сломан, но нет. Хотя, видимо, еще поболит, причем изрядно, а когда опухоль начнет спадать, под глазом нальется большой синяк. Если ты таких вещей боишься, в зеркало лучше пока не смотри.

Пьеро сглотнул и попросил воды. За все время в приюте он впервые слышал от Симоны столь длинную речь. Обычно-то слова от нее не дождешься.

– Я поговорю с Уго, – продолжала она. – Велю извиниться. И прослежу, чтобы больше с тобой ничего подобного не случалось.

– Это не Уго, – не слишком убедительно произнес Пьеро; несмотря на терзавшую его боль, он все-таки не хотел никого выдавать.

– Я знаю, что это он, – вздохнула Симона. – Во-первых, Жозетт сказала, а во-вторых, я бы и сама догадалась.

– За что он меня не любит? – глянув на нее, тихо спросил Пьеро.

– Ты не виноват, – ответила она. – Это мы во всем виноваты. Адель и я. Мы уж натворили дел. Много с ним допустили ошибок.

– Но вы же о нем заботитесь, – удивился Пьеро. – Как и обо всех нас. А мы вам даже не родственники. Ему бы спасибо сказать.

Симона постучала пальцами по боковине стула, словно бы взвешивая, стоит ли открывать секрет.

– По правде говоря, он именно что *родственник*, – поведала она. – Наш племянник.

Пьеро широко распахнул глаза:

– Да? Я не знал. Я думал, он сирота, как мы все.

– Его отец умер пять лет назад, – принялась рассказывать Симона. – А мать… – Она, дернув подбородком, смахнула слезу. – Мои родители обошлись с ней довольно-таки дурно. У них были нелепые, старомодные взгляды на жизнь. Они ее совершенно затретировали, и она уехала. Но отцом Уго был наш брат Жак.

Пьеро глянул на снимок, где две девочки держали за руки маленького мальчика, и на фотопортрет мужчины с усиками карандашиком и во французской военной форме.

– А что с ним случилось? – спросил он.

– Он умер в тюрьме. Попал туда за несколько месяцев до рождения Уго. Так ребенка и не увидел.

Пьеро задумался. Он не знал никого, кто бы сидел в тюрьме. Но вспомнил, что читал про Филиппа, брата короля Людовика XIII, «Человека в железной маске», безвинно заточенного в Бастилию; самая мысль о подобной судьбе вызывала у Пьеро кошмары.

– А за что он попал в тюрьму?

– Наш брат, как и твой отец, сражался на Великой войне, – сказала Симона. – Потом, когда все кончилось, кто-то легко вернулся к нормальной жизни, но другие – по-моему, подавляющее большинство – не справлялись с воспоминаниями о том, чего навидались и что натворили. К счастью, нашлись отважные врачи, благодаря которым мир узнал, какие травмы оставили события двадцатилетней давности. Взять хотя бы работы французского доктора Жюля Персуанна и англичанина доктора Алфи Саммерфилда. Они посвятили жизнь тому, чтобы донести до сознания широкой публики, насколько пострадало предыдущее поколение и как мы все обязаны им помогать.

– Мой папа тоже пострадал, – сообщил Пьеро. – Мама всегда говорила, что хоть он и не погиб на Великой войне, именно война его и убила.

– Да, – Симона кивнула, – я понимаю, что она имела в виду. То же было и с Жаком. Чудесный мальчик, жизнерадостный, веселый. Сама доброта. А вернулся совсем другим…

Полностью изменился. И совершал ужасные поступки. Но он с честью служил своей стране. – Она встала, прошла к застекленному шкафу, сняла с дверцы крючочек и достала бронзовый кружок, так завороживший Пьеро в день приезда. – Хочешь подержать? – Она протянула ему медаль.

Мальчик кивнул и осторожно взял ее, пробежал пальцами по выпуклой фигуре на аверсе.

– Он получил это за храбрость. – Симона забрала награду и повесила обратно в шкаф. – О чем ни в коем случае не следует забывать. Но после войны Жак в течение десяти лет не раз попадал в тюрьму. Мы с Адель часто его навещали, но нам все это было отвратительно. Видеть брата в бесчеловечных условиях и понимать, что страна, ради которой он пожертвовал душевным покоем, в грош его не ставит. Настоящая трагедия – и не только наша, а многих семей. Твоей тоже, Пьеро, – я права?

Он кивнул, но ничего не ответил.

– Жак умер в тюрьме, и с тех пор мы заботимся об Уго. Несколько лет назад мы рассказали ему, как наши родители обидели его мать, а наша страна – его отца. Возможно, он был слишком мал и надо было подождать, пока он повзрослеет. Его сейчас терзает злость, она требует выхода, и поэтому он, к сожалению, обижает других. Но не суди его слишком строго, Пьеро. У вас с ним много общего; думаю, потому он тебя и выбрал.

Пьеро задумался над ее словами и попробовал пожалеть Уго, но это оказалось непросто. Да, их отцы, как справедливо заметила Симона, прошли через одни и те же испытания, но *он* ведь не портит жизнь всем вокруг.

– Ну, во всяком случае, она кончилась, – сказал наконец Пьеро. – В смысле, война. Новой ведь не будет, нет?

– Надеюсь, – ответила Симона.

В это время дверь кабинета распахнулась и вошла Адель, потрясая письмом.

– Вот вы где! – воскликнула она, глядя то на сестру, то на мальчика. – Я вас обоих искала. Господи, что с тобой приключилось? – Она, нагнувшись, всмотрелась в разбитую физиономию Пьеро.

– Я подрался, – объяснил он.

– Победил?

– Нет.

– М-м. Не повезло. Но сейчас я тебя развеселю. Хорошие новости. Скоро ты нас покинешь.

Пьеро ошеломленно посмотрел на каждую из сестер по очереди:

– Меня хотят взять в семью?

– Не *просто* в семью, – с улыбкой сказала Адель. – В *твою* семью. Я имею в виду твою *родную семью*.

– Адель, может быть, объяснишь, в чем дело? – Симона взяла у сестры письмо и пробежала взглядом по надписям на конверте. – Австрия? – удивилась она, обратив внимание на марку.

– Это от его тети Беатрис, – ответила Адель, глядя на Пьеро.

– Но я с ней даже не знаком!

– Что же, а она про тебя все-все знает. Вот, прочти. Ей только недавно стало известно, что случилось с твоей мамой. И теперь она хочет, чтобы ты приехал к ней жить.

Глава 4
Путешествие на трех поездах

Когда Пьеро провожали из Орлеана, Адель дала ему сверток с бутербродами и велела не есть, пока голод совсем уж не одолеет, потому что это на всю дорогу, а ехать больше десяти часов.

– И вот еще, смотри: я тебе тут приколола названия всех трех станций, – добавила она и суетливо потеребила бумажки, проверяя, надежно ли те прикреплены к лацкану пальто. – Внимательно следи за указателями на платформах. Как увидишь такое же название, как здесь, выходи и пересаживайся на следующий поезд.

– На-ка, – Симона достала из сумочки маленький аккуратный сверток в коричневой бумаге, – подарок. Поможет скоротать время в дороге. И будет тебе память о нас и о приюте.

Пьеро поцеловал каждую из сестер в щеку, поблагодарил за все и направился к поезду, выбрав купе, где уже сидела женщина с маленьким мальчиком. Пьеро занял место у окна. Дама глянула недовольно – видимо, рассчитывала, что они с сыном поедут одни, но ничего не сказала и снова уткнулась в газету, а мальчик взял с сиденья пакетик конфет и спрятал к себе в карман. Поезд тронулся. Пьеро помахал Симоне и Адель, а потом, скосив глаза, посмотрел на первую бумажку. Прочитал про себя: *Мангейм*.

Вчера он попрощался с друзьями, и, кажется, одна только Жозетт расстроилась, что он уезжает.

– А тебя точно не усыновляют? – спросила она. – Ты это не наврал специально, чтобы нас всех обнадежить?

– Нет, – заверил Пьеро. – Если хочешь, могу показать письмо тети.

– А как она тебя разыскала?

– Мама Аншеля разбирала вещи моей мамы и нашла адрес. И написала тете Беатрис про то, что случилось и где я сейчас, и дала адрес приюта.

– И теперь она хочет тебя забрать к себе?

– Да, – сказал Пьеро.

Жозетт с сомнением хмыкнула.

– Она замужем?

– По-моему, нет.

– Чем же она занимается? Кем работает?

– Она экономка.

– *Экономка?* – удивилась Жозетт.

– Да. А что тут плохого?

– *Плохого* тут ничего, *per se*[2], – процедила девочка, найдя наконец повод употребить выражение из одной книжки, которое давно жгло ей язык. – Она, конечно, *трудится на капиталистов*, но ты не виноват, что тут поделаешь? А что там за семья – у кого она служит?

– Это не семья, – ответил Пьеро. – Всего лишь один мужчина. И он согласен меня принять при условии, что я не буду шуметь. Тетя говорит, он не часто бывает в доме.

– Что же. – Жозетт старательно напускала на себя равнодушный вид, хотя на самом деле очень хотела уехать вместе с приятелем. – Если что-то не заладится, то, думаю, всегда можно вернуться.

Глядя в окно на проносящиеся мимо пейзажи, Пьеро вспоминал этот разговор, и ему было не по себе. Все-таки странно, что тетя столько лет с ними не общалась – целых семь раз

[2] Само по себе, по сути (*лат.*).

пропустила день его рождения и Рождество, – хотя, может быть, она просто не ладила с мамой, особенно после ее расставания с папой… Но что толку гадать? Пьеро постарался выкинуть тревожные мысли из головы, закрыл глаза, задремал и очнулся, лишь когда в купе вошел какой-то старик и занял последнее, четвертое, место. Пьеро сел прямее, потянулся и зевнул, рассматривая старика. Тот был в длинном черном пальто, черных брюках и белой рубашке; по бокам лица свисали длинные темные пряди. Он, очевидно, плохо ходил, поскольку опирался на трость.

– Ну, знаете, это уже слишком, – сказала дама, сидевшая напротив, закрыла газету и недовольно потрясла головой. Она говорила по-немецки, и что-то в мозгу Пьеро переключилось, и он вспомнил язык, на котором разговаривал с отцом. – Неужели другого места не нашлось?

Старик пожал плечами.

– Мадам, везде занято, – вежливо объяснил он. – А здесь у вас свободное место.

– Нет уж, извиняюсь, – огрызнулась та, – но этот номер не пройдет.

Она встала, вышла из купе и решительно направилась куда-то по коридору. Пьеро заозирался, не понимая, как можно не пускать человека сесть, если есть место. Старик поглядел в окно и тяжко вздохнул. Чемодан на полку он убирать не стал, хотя на сиденье тот очень мешал и ему, и Пьеро.

– Хотите, я помогу? – предложил Пьеро. – Поставлю на полку, хотите?

Пожилой человек улыбнулся.

– Думаю, это будет напрасной тратой времени, – отозвался он. – Но ты очень добрый мальчик.

Дама вернулась с проводником. Тот оглядел купе и ткнул пальцем в старика.

– Ну-ка, ты, – бросил он, – вон отсюда. Постоишь в коридоре.

– Но тут свободно, – вмешался Пьеро. Проводник, наверное, подумал, что с ним едет мама или папа и старик занял их место. – Я один.

– Вон. Сейчас же, – потребовал проводник, словно не услышав Пьеро. – Давай, давай, поднимайся, не то наживешь неприятности.

Старик, не говоря ни слова, встал, крепко уперев палку в пол, взял свой чемодан и с большим достоинством покинул купе.

– Я прошу прощения, мадам, – сказал проводник, поворачиваясь к женщине уже после того, как дверь закрылась.

– Внимательней надо с *этими*, – рявкнула она. – Следить надо! Со мной сын. Почему он должен подвергаться опасности?

– Простите, – повторил проводник, а женщина негодующе фыркнула с таким видом, словно весь мир задался целью ей досадить.

Пьеро хотел спросить, почему она прогнала старика, но дама была очень грозная – казалось, только пикни, она и тебя вышвырнет. Поэтому он отвернулся к окну, закрыл глаза и вновь задремал. А проснувшись, увидел, что дверь купе открыта и дама с мальчиком снимают с полок багаж.

– Где мы? – спросил Пьеро.

– В Германии. – Дама впервые за все время улыбнулась. – Наконец-то никаких этих мерзких французишек! – Она показала на платформу, где на вывеске, как и на лацкане Пьеро, было написано *Мангейм*. – Похоже, и тебе тут выходить, – добавила она, кивнув на бумажку.

Пьеро вскочил, подхватил вещи и, прошагав по коридору, сошел на платформу.

Пьеро стоял в центре главного вестибюля вокзала, и ему было одиноко и страшно. Куда ни посмотри, всюду, торопясь по своим делам, задевая его, сновали мужчины и женщины. И еще военные. Много-много военных.

Впрочем, в первую очередь Пьеро обратил внимание на то, что люди вокруг говорят на другом языке. Поезд пересек границу, и повсюду звучал немецкий, а не французский,

и Пьеро, вслушиваясь и разбирая слова, радовался, что папины уроки не прошли даром. Он выбросил бумажку *Мангейм* в урну и посмотрел, каков следующий пункт назначения.

Мюнхен.

Над расписанием движения поездов висели огромные часы. Пьеро кинулся туда, с разбегу врезался в мужчину, шедшего навстречу, и упал навзничь. Посмотрев вверх, он вобрал взглядом землисто-серую форму, широченный черный ремень, черные сапоги до колен и нашивку на левом рукаве: ломаный крест, а поверх орел, распростерший крылья.

– Извините, – еле слышно пролепетал Пьеро, глядя на мужчину с благоговейным страхом.

Тот посмотрел себе под ноги, но помогать не стал. Вместо этого презрительно скривил губу, чуть приподнял носок сапога, наступил мальчику на пальцы и придавил их к полу.

– Мне больно! – закричал Пьеро, чувствуя, что мужчина давит все сильнее; в пальцах уже пульсировала кровь. Он еще ни разу не видел, чтобы кому-нибудь так нравилось причинять боль. А пассажиры, спешившие мимо, все замечали, но не вмешивались.

– Вот ты где, Ральф. – К ним внезапно подошла женщина с маленьким мальчиком на руках. Позади нее стояла девочка лет пяти. – Прости, пожалуйста, но Бруно хотел посмотреть паровозы, и мы чуть было тебя не потеряли. Ой, а что тут такое? – спросила она.

Мужчина, убрав ногу, улыбнулся и помог Пьеро подняться.

– Ребенок носится сломя голову, а куда – не смотрит. – Он пожал плечами. – Чуть не сбил меня.

– Какая на нем старая одежда. – Девочка смерила Пьеро неприязненным взглядом.

– Гретель, сколько раз повторять: так говорить некрасиво, – нахмурившись, укорила мать.

– И от него пахнет.

– Гретель!

– Пошли? – Мужчина посмотрел на часы, и его жена кивнула.

Они зашагали прочь. Пьеро, глядя в их удаляющиеся спины, растирал онемевшие пальцы. Малыш между тем повернулся в руках матери и помахал на прощанье. Пьеро встретился с ним взглядом и, несмотря на боль в костяшках, невольно улыбнулся и помахал в ответ. Семейство растворилось в толпе, а отовсюду вдруг понеслись свистки. Нужно срочно найти свой поезд, засуетился Пьеро, а то застряну в этом вашем Мангейме.

Судя по расписанию, поезд отбывал с минуты на минуту. Пьеро опрометью полетел на третью платформу и вскочил в вагон, когда проводник уже захлопывал двери. Ехать до Мюнхена было целых три часа, а радость от путешествия уже выветрилась, причем окончательно и бесповоротно.

Состав, в клубах шума и пара, содрогнулся и пришел в движение. Пьеро в открытое окно смотрел, как женщина с шарфом на голове бежит, волоча чемодан, и кричит машинисту: «Стойте, стойте!» Трое солдат, стоявшие на платформе тесной кучкой, стали над ней потешаться, она поставила чемодан и обругала их, тогда один солдат вывернул ей руку за спину. Пьеро с ужасом наблюдал за ними и успел еще увидеть, как ярость на лице женщины сменилась мукой, но тут кто-то постучал его по плечу, и он резко обернулся.

– Ты что тут делаешь? – спросил проводник. – Билет есть?

Пьеро достал из кармана все бумаги, которые сестры Дюран выдали ему при отъезде из приюта. Проводник принялся небрежно их листать, водил по строчкам пальцами, испачканными в чернилах, и беззвучно шевелил губами. От него несло табаком, и Пьеро слегка затошнило от неприятного запаха и мерного покачивания поезда.

– Порядок. – Проводник пихнул документы в карман мальчику и всмотрелся в бумажки на его лацкане. – Едешь один?

– Да, мсье.

– Без родителей?

– Да, мсье.

– Тогда вот что: во время движения здесь стоять нельзя. Опасно. Выпадешь – в котлету под колесами превратишься.

Не думай, это не шутки, это случается. А у такого малявки, как ты, шансов и вовсе нету.

Его слова острым ножом вонзились Пьеро в сердце – ведь, в конце концов, именно так и погиб его папа.

– Пойдем-ка. – Мужчина грубо схватил его за плечо и потащил по коридору; Пьеро нес чемодан и сверток с бутербродами. – Все занято, – пробормотал проводник, заглядывая в купе и быстро проходя мимо. Занято оказалось и в следующем. – Занято. Занято. Занято. – Он посмотрел на Пьеро и предупредил: – Места может и не быть. Поезд сегодня под завязку, тебя и посадить-то некуда. Но и стоять всю дорогу до Мюнхена не годится. Вопрос безопасности.

Пьеро молчал. Он не понимал, как тогда быть. Сидеть нельзя и стоять нельзя – а какие еще варианты? Не висеть же в воздухе.

– Вот, – сказал наконец проводник, открыв дверь и заглянув в очередное купе; в коридор хлынули смех и обрывки разговора. – Вот здесь есть куда втиснуться.

Не возражаете, ребята, нет? Тут малец один едет в Мюнхен. Пусть посидит у вас, присмотрите, ладно?

Проводник отступил на шаг в сторону, и Пьеро стало еще страшнее, чем раньше. Пятеро парней четырнадцати-пятнадцати лет, крепко сбитых, светловолосых, с чистой кожей, повернулись и молча воззрились на него, как стая волков, внезапно почуявших добычу.

– Входите, юный мужчина. – Самый высокий парень показал на пустое место между двумя ребятами напротив. – Не бойтесь, мы не кусаемся. – Он вытянул руку и медленно поманил Пьеро к себе; в этом жесте было что-то невероятно зловещее. Пьеро почувствовал себя крайне неуютно, но, не имея выбора, сел, и через пару минут парни, забыв про него, снова загомонили. Он между двумя рослыми соседями чувствовал себя настоящим лилипутом.

Долгое время он созерцал свои ботинки, но потом, немного освоившись, поднял голову и притворился, будто смотрит в окно, хотя на самом деле разглядывал парня, спавшего, прислонясь щекой к стеклу. Как и все они, парень был в форме. Коричневая рубашка, короткие черные штаны, черный галстук, белые гольфы, на рукаве – нашивка-ромбик: снизу и сверху красная, слева и справа белая. Посередине красовался тот же ломаный крест, что и на нарукавной повязке жестокого мужчины с вокзала в Мангейме. Пьеро невольно проникся уважением к соседям по купе и тоже захотел такую форму вместо старья, которое перед отъездом из приюта вернули ему сестры Дюран. Будь он в форме, никакие чужие девчонки ни на каких вокзалах не посмели бы насмехаться над его одеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.